

¹⁰ См. подробно: Абрамова Н.А. Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских учёных // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия — Китай — Монголия: Материалы международной конференции (18 октября 2006 г.). Чита, 2006. С. 76.

¹¹ Там же. С. 92.

¹² Абрамов Ю.Ф., Кардонова И.А. Глобальная регионализация: содержание и особенности познания: Экономикс— политический аспект. Иркутск, 2005. С. 39,

¹³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005, С. 94.

¹⁴ См. подробно: Абрамов Ю.Ф. и др. Регион: научное понятие и реальность. Теоретико-методологические очерки. Иркутск, 2001. С. 218.

¹⁵ Абрамов Ю.Ф., Арсентьева И.И. Регионоведение России. Иркутск, 2006. С. 164.

¹⁶ См. подробно: Абрамов Ю.Ф. и др. Основы теории устойчивого безопасного развития России и региона. Иркутск, 2006. С. 284 .

Лиштованный Е.И.

Иркутский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МОНГОЛИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА: НАЧАЛО МОНГОЛЬСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Начало реформ в Монголии фактически было объявлено сразу же вслед за провозглашением в СССР в 1985 г. курса на перестройку. Справедливости ради, следует отметить, что у истоков этого процесса стояла Монгольская народно-революционная партия. Решения XIX съезда МНРП в 1986 г, и, особенно, решения V Пленума ЦК МНРП в 1988 г. свидетельствуют об этом /1/. Но одно дело объявить, другое — постараться достигнуть реальных результатов. Конечно же, МНРП рассчитывала на то, что обновление модели развития страны произойдёт без ломки старых общественных отношений, в рамках социалистической системы. Поэтому, повторяя КПСС, МНРП большей частью провозглашала лозунги, эпизодически объявляла какие-либо компании, что никак не приводило к улучшению положения в стране.

Несколько позже высшее руководство партии и государства признает крайнюю медлительность и неэффективность своих попыток. Особенно кризисная ситуация сложилась в сельской местности. Генеральный секретарь ЦК МНРП Ж. Батмунх, выступая в январе 1990 г. на УП Пленуме ЦК МНРП, отмечал: «Нужно немедленно исправить такое положение, когда два миллиона человек, проживающие на территории в 1,5 миллиона квадратных километров, не обеспечиваются работой полностью. На селе очень тяжело со свечами и чаем. Скотоводы сидят в глухой темноте» /2/. Но не «свечи» и не «чай» стали проблемой номер один. Всё вдруг предстало в глобальном плане, ибо обозначившийся на селе кризис стал приобретать черты цивилизационного краха. В 1987 г. Институт философии, социологии и права АН МНР провёл масштабное исследование образа жизни сельского населения. Результатом явился вывод о том, что одним из важных показателей кризиса в животноводстве стало падение престижа профессии скотовода. Жизненные планы молодёжи, выпускников средних школ преимущественно были связаны не с производительным трудом, а с

поступлением в вуз, т.е. на пополнение интеллигенции. Из опрошенных учеников 8-го класса только 6,5 %, из выпускников 10-го класса -11,2 % планировали остаться в селе, заняться разведением скота /3/. Действительно, для современной, практически поголовно грамотной Монголии, стремление к вузовскому диплому становилось неким венцом всего человеческого существования, Абсолютно был прав известный монгольский журналист Ч. Эрдэнэ, когда в статье «Революция и эволюция» отмечал: «Страшно упал интерес, в особенности, к физическому, вообще производительному труду, наоборот, непомерно возросла тяга к конторскому, чиновничьему. Последний обеспечивает тёплое местечко, постоянную зарплату, социальный статус в форме причастности к управлению и администрированию. Колоссальный рост численности «тружеников» на ниве бумажной волокиты по существу вызвал какую-то новую разновидность классового расслоения» В свою очередь охота к чиновничьему месту форсировала жёсткую гонку за дипломом, без которого не мыслится полноценное существование человека, Это дискредитирует самоценность образования, как такового, принижает саму идею высшего образования как призвания, мерила таланта и способностей. В результате качество подготовки специалистов оставляет желать много лучшего как в смысле профессиональном, так и с точки зрения профессиональной этики. Учитель и врач, получив вожделенный диплом, считают и чувствуют себя скорее чиновником, чем педагогом и преемником Гиппократов. Общество пронизано бюрократическим духом. Произошло то, чего боялся К. Маркс: государство поглотило гражданское общество. Человек подчинён одному критерию — наличию любого клочка бумаги, удостоверяющего о том, что он не верблюд» /4/.

Столь пространная цитата демонстрирует поразительную схожесть проблемы перепроизводства носителей интеллектуального труда в наших странах. Но в СССР эта проблема в какой-то мере нивелировалась многомиллионной численностью населения, что при относительно развитом уровне производства не позволяло мгновенно увидеть наметившийся перекося. А в двухмиллионной Монголии, где животноводство по-прежнему оставалось одной из базовых отраслей хозяйства, данная тенденция становилась весьма опасной и могла привести к цивилизационному надлому. Парадокс — скотоводу-кочевнику грозила участь стать чиновником-управленцем. 70-летняя дружба с СССР и советская помощь в становлении и развитии системы образования сделали в Монголии то, что не смог сделать конфуцианско-чиновничий Китай за своё более чем 300-летнее господство.

Размышляя о монгольском чиновнике социалистического периода развития страны, следует сделать одно важное замечание. 1950-1960-е гг. — это время формирования чиновничества как корпоративного социума. Монгольский руководитель ещё не удалён от народа, пока он воспринимается этим народом, скорее всего, как старший опытный товарищ и советчик. В этом отношении стоит согласиться с Л.И.Шинкарёвым, когда он отмечает: «Привлекала внутренняя раскованность монголов: у них не было доведённого до крайности чиновничества, как у советских или китайских чиновников, для которых их высшие руководители, жившие в особо охраняемых домах, появлявшиеся на публике в ореоле избранничества и величия, были абсолютным и непререкаемым авторитетом. В Улан-Баторе большинство высшего руководства страны живёт в обычных блочных домах, спокойно, прогуливается по улицам, а главное — их слова часто не являются для населения законом, который все бросаются исполнять. Как выразился один обозреватель, при всём внешнем сходстве политический климат в стране был лишь умеренно «советский». Непринуждённая манера общения от кочевого образа жизни, притормаживала развитие монгольского бюрократизма и иерархических отношений» /5/.

Но чиновник достаточно быстро «взрослел», к тому же рядом были опытные советские «учителя». 1970-е гг. можно считать переходными в этом отношении и монгольская бюрократия приобретает классические черты. Рекомендательные письма, печати красного цвета на различного рода документах, телефонные звонки всё увереннее открывали двери в высокие и не очень высокие кабинеты. По моим наблюдениям, перестроечные 1990-е гг. не принесли ожидаемого ослабления «чиновничьего гнёта» и упрощения бюрократических процедур. Процесс удаления чиновника от простого народа продолжается.

В монгольском обществе развернулась широкая полемика о самой сути и формах кочевой цивилизации, о путях выхода из кризиса. Одно из центральных мест занимали споры об исторической результативности сельскохозяйственных объединений (СХО). Например, советский исследователь В.В. Грайворонский, признанный специалист в области истории сельскохозяйственного кооперирования в Монголии, не соглашался с утверждениями ряда монгольских авторов о том, что идея кооперирования якобы изначально была чужда монгольскому аратству, противоречила закономерностям развития кочевого животноводства, что она была насильно навязана аратству «сверху партийным и государственным руководством страны». Он отмечал: «... достаточно вспомнить, что в истории традиционного пастбищно-кочевого

животноводства в Монголии издавна известны различные формы кооперации труда, например, «саахалт» (сосед по кочевью — Е.Л.), «хот аил» (группа юрт — Е.Л.) и др. Иначе говоря, преимущества разделения и кооперирования труда в рамках кочевого животноводства были известны монголам давным-давно, ещё со времени появления их на исторической арене»/6/.

С подобным суждением трудно не согласиться. С момента появления человечества коллективный труд в самых разнообразных формах и видах существовал как фактор выживания, хозяйственной эффективности и, наконец, безопасности в самом широком смысле этого понятия. Другое дело, первый этап коллективизации аратских хозяйств, в начале 1930-х гг., проходил под сильнейшим административным нажимом и вызвал у населения законное возмущение, что дискредитировало саму идею кооперирования. Второй же этап этого процесса, в конце 1950-х гг., отличался большей продуманностью и спокойствием, хотя также не обходилось без нарушений. И вот пришёл момент, когда должна была решиться судьба СХО, так или иначе просуществовавших в Монголии более трёх десятилетий.

Замысел раздачи скота в частные руки выглядел чрезвычайно привлекательным. Но монголы отвыкли от собственности. «Так, многострадальные наши животноводы, — писал публицист Ч.Эрдэнэ, — ни за какие коврижки не хотят получать обратно свой же некогда обобществлённый скот. Например, члены СХО «Дархан-оргил» (Хэнтэйский аймак) поголовно голосовали против приватизации скота». Монгольская печать приводила данные опроса более 700 тыс.» человек, или 96% всех членов СХО. В итоге 87% опрошенных высказалось за сохранение СХО при условии их радикальной реорганизации /7/. Предлагались и некоторые компромиссные варианты. Так, известный биолог и специалист в области сельского хозяйства, профессор О. Шагдарсурэн рекомендовал создавать коллективные фермерские хозяйства, которым СХО выделяли бы скот на условиях договора-подряда /8/.

Развернувшаяся вскоре приватизация поставила точку в судьбе СХО. К концу 1991 г. подавляющее количество объединений было преобразовано в акционерные компании. Вместо 238 СХО и других кооперативных организаций и предприятий в стране появились 222 акционерные компании, 14 компаний с ограниченной ответственностью и 2250 аратов-единоличников /9/.

Таким образом, приватизация скота была проведена в рекордно короткие сроки. За два года почти 90% поголовья оказалось в частных руках. Абсолютное большинство аратских хозяйств имело в среднем 120-

130 голов скота. В то же время наметилась тенденция роста количества частников, у которых было в собственности 1000 голов и более. На селе явно начинался процесс социальной дифференциации. В ходе деколлективизации также не обошлось без перегибов и ошибок. Монгольская печать отмечала недостаточную гласность, сведение приватизации главным образом к приватизации скота и помещений, без учёта оборотных средств, внесённых паев, наличных денег и т.п. Как отмечал министр продовольствия и сельского хозяйства Монголии: «В итоге подобной борьбы за приватизацию большей части имущества мы остались с множеством мелких, малоперспективных хозяйств» /10/.

Всё происшедшее, по мнению некоторых специалистов, позволяет говорить о начавшемся в современной Монголии процессе реномадизации. Процесс этот далеко неоднозначен, и в дальнейшем мы увидим, с какими серьёзными проблемами столкнулся кочевник-единоличник, но это отдельная история. Мне же хочется привести мудрые слова одной пожилой монголки, услышанные автором этих строк год назад в юрте, близ Хар-Хорина. На вопрос -«Жилось ли ей легче в доперестроечные времена, или стало лучше сейчас?» она ответила — «Работать всегда тяжело». Действительно, ни убавить, ни прибавить.

Как уже отмечалось, МНРП и правительство страны предпринимали попытки выхода из кризиса. Определённая надежда возлагалась на поощрение предпринимательской инициативы населения. Именно на это было рассчитано постановление Совета министров МНР в марте 1988 г. «О поддержке занятия гражданами индивидуальной трудовой деятельностью и развития трудовых кооперативов». Известно, что в Монголии, как, впрочем, и в СССР, бытовало мнение, что кооперативная и индивидуальная деятельность чуть ли не противоречит устоям социализма. Теперь же монголы могли вспомнить в целом позитивный опыт кооперирования 1920-х гг.

Раньше других продекларированным правом воспользовались владельцы личных автомобилей. Практика подрабатывания частным извозом существовала в Монголии и до упомянутого постановления. В Улан-Баторе, например, монопольным правом перевозки пассажиров легковыми автомобилями владел столичный таксомоторный парк, располагавший 400 автомобилями. Для города с населением более полумиллиона человек этого было явно недостаточно. Основываясь на своих личных воспоминаниях о том времени, скажу, что найти тогда такси в Улан-Баторе было проблемой.

В итоге, теперь уже на законных основаниях, в столице появились частные такси. Ежемесячная стоимость патента была относительно

невелика — 300 тугриков для людей, занятых на основной работе и 500 — для пенсионеров. С другой стороны, среднемесячная выручка могла доходить до 3 тыс. тугриков. Возникшая конкуренция заставила перестраиваться и городской таксопарк, где начали использовать систему подряда и аренды. В те времена в монгольской прессе писали: «Каков будет результат? Пока воздержимся от прогнозов. Но хочется верить, что в недалёком будущем можно будет сказать: найти такси в Улан-Баторе — не проблема» /11/. По крайней мере, результаты реформ в этой области по прошествии десяти лет оказались наиболее впечатляющими. Теперь в монгольской столице рябит в глазах от разноцветных такси. Различие в цвете такси (жёлтый, зелёный, белый) объясняется, в том числе, и существующими на рынке пассажирских перевозок различными компаниями. Парк машин составляют в основном автомобили южнокорейского производства и, в отличие от такси, бороздящих просторы российских дорог, все оборудованы счётчиками. Стартовая стоимость (данные на лето 2003 г.), включая первый километр проезда, составляет 250 тугриков. Сегодня такси в Улан-Баторе является наиболее востребованным видом транспорта, что составляет серьёзную конкуренцию муниципальным автобусам и троллейбусам. Теперь проблема уже не в дефиците такси, а в создаваемых многочисленными автомобилями пробках на дорогах.

Создавалось впечатление, что кооперативное движение в стране набирает обороты. Рабочие, служащие, студенты в свободное время, а кто и оставив основную работу и бросив учёбу, принялись за пополнение своих бюджетов. К середине 1988 г. только в Улан-Баторе действовало более 300 товариществ, объединявших свыше 1600 человек /12/. Но в основном кооперативная и индивидуальная деятельность населения проявлялась в сфере мелкой розничной торговли. В условиях общего спада производства много и не приходилось ожидать. Улан-Батор расцвётился вывесками — «Хоршоо», «Хоршоолол», «Хоршооны дэлгуур» (Кооператив, Компания, Кооперативный магазин — ЕЛ.). В подвалах и полуподвальчиках под кооперативной вывеской шла примитивная скупка и перепродажа. В условиях тотального дефицита на прилавках этих магазинчиков красочно соседствовали детские игрушки и презервативы, мыло и сигареты, часы и косметика и ещё много чего. Каюсь, и мне приходилось иногда становиться «участником монгольского кооперативного движения», сдавая в «Хоршоо» то электробритву «Харьков», то «командирские» часы.

Монгольскими коробейниками были «открыты» ближние и дальние торговые пути. Идя на всяческие ухищрения, из Иркутска и Улан-Удэ они везли табачные изделия, медикаменты, парфюмерию и т.п., ввозя, в свою очередь, в эти и другие города сотни и сотни шкур тарбагана и изделия из

кожи. Монгольские «челноки» освоили также, более дешёвые по сравнению с провинцией, московский косметический и пекинский кожаный рынки.

Но такого рода кооперация создавала лишь видимость социальной активности. В условиях низкого уровня производительных сил и отсутствия реальных механизмов рыночной экономики было положено начало имущественной дифференциации, росту открытой безработицы, падению общественных нравов.

В дополнение ко всем неурядицам, которые всё больше вызывали недовольство в обществе, обострились так называемые вопросы семьи и брака. В 1980-е гг. разводы, особенно среди молодёжи, становятся привычным явлением. В печати приводились цифры, просто невыносимые для Монголии. Отмечалось, что в целом за десятилетие число разводов в Улан-Баторе увеличилось в 50 раз! Даже со скидкой на столичный город, который, как правило, впитывает в себя и всё хорошее, и всё плохое значительно быстрее провинции, подобная информация заставляла серьёзно задуматься. Если в 1987 г. в Улан-Баторе распалось 892 семьи, то в 1988 г. уже 1071, а за первое полугодие 1989 г. — 545 семей /13/. Но особое беспокойство вызывало проявление этой тенденции в сельской местности, где традиционно большая монгольская семья отличалась крепостью и стабильностью. Худонские /14/ цифры были, конечно, несравнимы со столичными, но, тем не менее, за семилетие 1980-х гг. число разводов на селе увеличилось в 2,6 раза /15/. В прессе и в статистических отчётах всё чаще мелькало тревожное словосочетание — «мать-одиночка». В конце 1980-х гг. в Монголии эта категория женщин уже составила более 16 тыс. В 1989 г., например, в роддомах столицы было зарегистрировано 16 тыс. новорождённых. При этом оказалось, что 2328 из них не имеют отца, а у 2544 родители, что называется, не расписаны /16/.

Кстати, не следует думать о том, что в Монголии мать-одиночка — явление из ряда вон выходящее. Эта беда преследовала здесь женщину в различные эпохи и случалась по разным причинам. Так, Б. Барадин /17/ писал в начале XX века: «В Северной Монголии редко встретишь семью, глава которой был бы мужчина с косой. Современная монгольская семья в Халхе в громадном большинстве состоит из женщины и временного её сожителя — ламы... Халхаские женщины, покинутые своими сожителями, обыкновенно посвящаются в монахини — «шабаганцы» и уходят в монастыри или устраиваются вблизи монастырей в качестве нищих или мелких притоносодержательниц. Во всех этих случаях дети её мужского пола неизменно становятся хувараками /18/ и живут в монастырях со своими матерями — шабаганцами. Дети же женского пола повторяют удел жизни своих матерей» /19/.

Как же быть в таком случае с устоявшимся мнением о почитании и уважении родителей, а матери особенно, проявлявшихся с глубокой древности в монгольском обществе. Заметим, что здесь нет никакого противоречия. Речь идёт прежде всего о статусе женщины, так как в процесс включается извечная дихотомия родоплеменных отношений — «свои — чужие». Приведу лишь один пример, как некоторые исследователи, сознательно или в силу недостаточного уровня квалификации, оценивают состояние «женского вопроса» в эпоху Чингисхана. Так, П.Сэблофф (США) рассуждая о демократизме великого завоевателя, утверждает: « Чингисхан демонстрировал удивительное уважение к женщине... «Секретная история» даёт несколько примеров, когда женщины принимали участие в решении ключевых проблем, говорили Чингисхану как жить и что делать» /20/. И далее автор ссылается на действия жены хана — Бортэ. Из подобных утверждений исчезает главное — статус женщины. Ведь советы Великому хану давала не просто женщина, а его собственная жена. А о примерах поучений Чингисхану со стороны его матери — Оэлун и говорить не приходится, В этой связи более справедливыми представляются мнения самих монгольских учёных о роли женщины в эпоху Чингисхана/21/.

Для женщины именно статусные характеристики имели первостепенное значение и превалировали над всеми остальными. Более того, на второй план уходила принадлежность женщины к другому, «чужому», роду, как только она переходила в род мужчины, взявшего её в жёны. Как справедливо отмечал Б.Я.Владимирцов: «В ту пору монгольские племена жили родовым строем, требовавшим экзогамии... . В виду этого, благодаря постоянным смутам, войнам и набегам, которые происходили в монгольских степях, невест часто отбивали, умыкали при всяком удобном случае...» /22/. Именно так поступил отец Чингисхана, отбив у мэркитов /23/ Оэлун, происходившую из олхонутского рода. Кстати, сам Чингисхан взял в жёны Бортэ! также из олхонутов.

В этой связи важнейшее статусное значение имел переход женщины из «невест» в «жёны». Даже являясь дочерью знатного вельможи, девушка до замужества была, по сути, бесправным существом. Нередко подобное состояние женщины находило отображение в художественной литературе. Известная исследовательница творчества монгольского писателя XIX в, В, Инжинаша Л.Г. Скородумова показывает, как он в своих произведениях изображал героинь, отличавшихся свободомыслием, решительным характером, но, тем не менее, имевших угнетённый правовой статус.

Вот как образно и поэтично описывает В.Инжинаш в романе «Хух судар» («Синяя сутра») взаимоотношения двух влюблённых из

враждующих семей-кланов — Алтаншагая и Солонго, по сюжету современников Чингисхана. Алтаншагай старается разгадать символику послания от Солонго, в котором присутствуют лук и стрела в качестве традиционных атрибутов брачного ритуала. Алтаншагай определяет: «Сделанная из пяти цветных волокон тетива для лука означает радуго — Солонго. Ведь это же её имя! А то, что на ней нанизаны сто восемь круглых халцедоновых чётки, означает «мана» (халцедон) или «манай» (наш) или наши. Чётки — «эрх» имеют ещё значение «права». Чётки, нанизанные на тетиву лука, означают, что двое не подходят друг другу, или у нас нет прав. Вот и четыре слова: « у моей Солонго нет прав». Тетива лука имеет и другую символику. Это связь лука, тетивы и стрелы. Солонго верит в силу лука, потому что без лука тетива превратится в бесполезную верёвку. Какая в ней сила! Ведь она предназначена для того, чтобы удерживать стрелу. Но без стрелы сама по себе тетива тоже ни к чему. Она зависит от лука. Таким образом, дуга лука символизирует силу, мужское начало арга, а тетива -мягкость, нежность, женское начало билиг. Если соединить дугу и тетиву, то и получится лук, единое целое. Тетива без лука — это женщина без мужчины, или незамужняя женщина. Это Солонго! Она хочет сказать: «У меня, незамужней Солонго, нет никаких прав» /24/.

Незавидная женская доля описана и в произведениях других монгольских писателей, в том числе затрагивающих темы новой, социалистической Монголии /25/. Нельзя сказать, что революция 1921 г. не принесла никаких изменений в положение монгольской женщины. Напротив, изменения были существенными. Девушки стали учиться, приобретать новые, неведомые ранее для них профессии, работали на производстве.

Помню, как меня, впервые попавшего в Улан-Батор в середине 1970-х гг., поразили водители такси — женщины. В те времена даже в Советском Союзе такое воспринималось как диковинка, Здесь же монголка в традиционном халате-дэли с невозмутимым видом ловко крутила баранку авто. Поэтому, оценка изменившемуся положению монгольской женщины, данная премьер-министром Х. Чойбалсаном ещё в 1951 г., в целом соответствовала действительности. Накануне 30-летия революции он отмечал: «Особенно разительны перемены в положении женщины. Тяжёлой, безрадостной была женская доля в дореволюционной Монголии. При народно-демократическом строе женщины стали полноправными членами общества и активными участниками всей жизни страны. Женщина — большая сила в новой Монголии /26/.

Но эта «сила», как и прежде, оставалась беззащитной перед новыми реалиями жизни, теми изменениями, которые произошли в монгольском

обществе, особенно за послевоенные десятилетия. В устоявшийся в своей традиционности в течение тысячелетий кочевой мир вторглись промышленность и урбанизация, произошёл резкий рост численности городского населения, что изменило привычный уклад жизни. Как справедливо отмечает Л.Г. Скородумова: «Такие крутые перемены не могли не сказаться драматически на сознании и психологии вчерашних скотоводов, людей, только в первом и втором поколениях ставших городскими жителями» /27/. И вновь, как и раньше, женщина очень часто оставалась одна или с детьми, и надо было выжить в непривычных для скотовода условиях.

Что же сегодня? Вот лишь одна из оценок вышеизложенной проблемы: « В Монголии сейчас 36 тысяч матерей-одиночек, воспитывающих 70 тысяч детей. Возможно после алкоголизма, это одна из самых болезненных проблем в личной жизни монголов. Но природная самостоятельность монголок всё-таки делает ситуацию не такой трагичной, как в других странах. Десятилетиями в гобийских аймаках складывалось такое положения, при котором сотни и тысячи женщин, подобно амазонкам, обходились (и научились обходиться) без мужчин практически во всех сферах жизни. Монголки в отличие от кореянок, японок, китайянок не делают трагедии из развода, надеются на собственные силы и достаточно выносливы в жизни» /28/.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. на поверхность всплыла и такая проблема, как проституция. Именно «всплыла на поверхность», так как в течение всего социалистического периода она была где-то там, в глубине, и, безусловно, в значительно меньших масштабах. Так один из монгольских журналистов вспоминал: « В детстве я слышал разговоры о местных китайцах, якобы содержавших тайные притоны, но потом прошёл слух, что их накрыли, и владельцев арестовали. Затем в 60-х гг, то ли 24, то ли 60 женщин, продавших себя китайцам за деньги, были осуждены, но лишь горстка посвящённых знала об этом процессе...» /29/.

Действительно, если в те далёкие годы этот подпольный бизнес стимулировали местные китайцы, то в описываемое! время к его развитию «приложили усилия» работавшие в Монголии иностранные специалисты почти из всех стран социалистического содружества. По моим наблюдениям, определенную активность в этот процесс внесли польские «челноки», Пользуясь правом транзита, они ездили через Советский Союз и Монголию в Китай за вещами и делали непродолжительную остановку в Улан-Баторе, расслабляясь в барах гостиниц. В те годы монгольская «жрица любви» в среднем зарабатывала за день до 300 тугриков (при соотношении доллара к тугрику на чёрном рынке 1:30). В итоге, при

«хорошей» работе, её месячный заработок мог достигать 5-8 тыс. тугриков, чему могли позавидовать многие. По крайней мере, по ценам того времени, однодневная зарплата проститутки обеспечивала ей одну упаковку противозачаточных таблеток, а двухдневная вытягивала на женские сапожки.

Никоим образом не способствовала сохранению нравственных норм и накатывавшаяся, как снежный ком, зарубежная видеопродукция, значительная часть которой уходила в подпольный видеопрокат. По некоторым данным, на конец 1980-х \ гг. в стране действовали около 20 официально зарегистрированных видеоклубов /30/ Подпольный же видеопрокат специализировался на порнолентах, фильмах ужасов, на картинах, проповедовавших жестокость и насилие. В целях регулирования разраставшегося нового явления при ЦК МРСМ была даже создана комиссия — «Видеопродукция», но особых успехов в её деятельности отмечено не было. Кстати сказать, видеомагнитофон тогда, в силу его высокой стоимости, являлся предметом роскоши. Аппаратуру многие привозили из-за рубежа, но и в стране её можно было купить, записавшись на очередь по месту работы. Дороговизна дороговизной, но «предмет роскоши» успел сделать своё чёрное дело.

Лиха беда — начало. За десятилетие перестройки подобные проблемы не только не нашли разрешения, но возникли новые, В городе давно уже никого не удивишь видеомагнитофоном и даже караоке, сексуслуги приобретают организованные и цивилизованные формы, жителей и гостей столицы завлекают своими огнями стриптизклубы и бары. Давно исчезли со страниц печати заголовки, наподобие — «Есть ли в Монголии проституция?», ибо также давно получен молчаливый утвердительный ответ. По подсчётам одной из монгольских газет сегодня 44% «сервиса любви» приходится на гостиницы, 35% — на частные квартиры. По сравнению с десятилетней давностью увеличились и средние тарифы: 15-20 тыс» тугриков за ночь (при соотношении доллара к тугрику 1:1000). Результаты опросов, проведённых среди задержанных проституток, показывают, что 48,8% из них пошли на грехопадение из-за тяжёлых материальных условий, 3,9% из-за стремления к «красивой жизни», 12,1% - «по пьянке», 51% проституток имеют среднее образование, 47% — «разведёнки». Только 2% рассматривают это занятие как профессию, остальные как временный бизнес /31/. Сегодня монгольская общественность, как и российская, обеспокоена уже угрозой наркомании и СПИДа.

В конце 1980-х гг. монгольское общество в условиях общего системного кризиса подошло к грани серьёзной социальной

трансформации. Возникла угроза утраты традиционных, национальных ценностей, что могло привести к ситуации непредсказуемой культурной мутации.

Но в начале необходимо определить — каковы эти традиционные монгольские ценности. Как справедливо отмечает современный монгольский социолог Ц. Цэцэнбилэг, «неразработанность этой проблематики позволяет говорить только об одной-двух публикациях, специально посвящённых традиционным монгольским ценностям /32/. Тем не менее, как утверждает сама автор, портрет идеальной традиционной монгольской личности вполне просматривается: «Это человек, почитающий родителей, государство - ~ символ верховной власти, наставников, учащих уму-разуму, скот — источник и средство к существованию, основу материального благополучия, природу, от которой он полностью зависит и подносящий её жертвования с целью задобрить духов, богов и молящийся им из соображений хорошего перерождения, здоровья, благоденствия, исправления кармы; старающийся жить со всеми в ладу, не выделяться, но вместе с тем добиваться своих целей, поступать по предписывающимся нормам и положенному этикету, ценящий мудрость, знания, степенность, обстоятельность, не терпящий измены, предательства, коварства, воровства» /33/.

Данные поведенческие характеристики монголов уходят своими корнями в эпоху создания Монгольской империи. Большинство монгольских и зарубежных исследователей в этой связи опираются на «Сокровенное сказание» как на главный источник, где были сформулированы духовные устои средневековой Монголии. К своим литературным шедеврам общество обращается нередко в переломные, кризисные периоды, что вполне объяснимо, ибо активно обсуждаются вопросы — «кто мы такие?», «откуда пришли?» и «что нас ожидает?» Процесс обращения к истокам национального самосознания монголов был поддержан и ЮНЕСКО. На 131 сессии Исполнительного Совета этой организации (июнь 1989 г.) было принято решение о праздновании юбилея «Сокровенного сказания», так как в 1990 г. исполнялось 750 лет с момента создания этого выдающегося эпоса монгольских народов.

Вполне естественно, что главной фигурой, которая определяла монгольскую ментальность, выступал Чингисхан. Наконец в Монголии настало время, когда без опасения можно было обращаться к образу великого завоевателя и основателя империи и изучать эпоху, в которой он жил. Если ещё в 1920-1930-х гг. некоторые государственные деятели и исследователи позволяли себе весьма смелые оценки роли Чингисхана, то с 1940-х гг. с утверждением в стране социалистической идеологии, подобное

стало практически невозможным. 27 октября 1947 г, вышло постановление Политбюро ЦК МНРП, в котором заслуги Чингисхана ограничивались лишь военной областью. Тем, | кто хотел представить Великого хана в качестве национального символа, грозило обвинение в национализме. Подтверждением тому служит 1962 год, когда по инициативе ряда партийных руководителей и деятелей культуры Монголии были намечены мероприятия в связи с 800-летним юбилеем Чингисхана. Летом 1962 г. в стране велась активная подготовительная работа к это-1 му мероприятию. В Хэнтэйском аймаке был установлен памятник Великому хану, были выпущены специальные юбилейные марки. Такая широкая подготовка вызвала настороженность Москвы, В итоге по инициативе Ю. Цеденбала дальнейшее празднование юбилея было запрещено, а член Политбюро ЦК МНРП Д. Тумур-Очир, поддерживавший эти настроения, был обвинён в «разжигании националистических страстей», «нигилистических нападках на успехи нашего народа», «гнусной клевете и интригах против руководящих партийных и государственных кадров » и сентябре 1962 г. снят с партийных постов и исключён из партии /34/.

Но со второй половины 1980-х гг. всё, что было связано с именем Чингисхана, начинает приобретать необычайную популярность. Деятели науки и культуры всё чаще стали обращаться к сюжетам из истории своей страны в расчёте, что их про-1 изведения проявят, особенно у молодого поколения, интерес к { правдивому изложению истории Монголии, помогут возрождению забытых традиций и норм морали, будут воспитывать чувство национальной гордости. С 1987 г. в Монголии начинает выходить серия книг под общим названием «Сто монгольских ханов и восемь святейших». К настоящему времени издано более 30 томов, из которых свыше 20 посвящены теме Чингисхана.

В январе 1999 г. президент Монголии Н. Багабанди издал указ о написании новой истории страны, так как со времени издания предыдущего трёхтомника прошло уже более 40 лет. В редакционный совет вошли профессор А. Очир, академики Ч. Далай, Б. Ширэндэв, Ш. Нацагдорж, Н. Ишжамц, доктора, профессора Ж. Болдбаатар, Д. Цэвээндорж, Л.Жамсран, кандидат наук Ц. Ишдорж. Работа над пятью томами новой истории МНР продолжалась в общей сложности три года. Учёные получили уникальную возможность внести существенные коррективы в историю своего государства.

Чем же отличалась от прежней новая история страны? Весьма значительно, в глубь тысячелетий, было отодвинуто время появления человека на территории Монголии, подверглась коренному пересмотру оценка деятельности Чингисхана, ушла однобокость в освещении истории

ламаизма — храмы и монастыри предстали читателю в качестве культурно-просветительских центров в ХУП-ХХ веках. Самой же серьёзной переработке подверглась история ХХ века, которой был отведён весь пятый том. Национально освободительное движение 1911-1912 гг, получило трактовку национальной революции. В значительной степени уточнено определение революции 1921 г. В новой трактовке она приобрела название национально-демократической. Своё достойное место в истории государства заняли такие деятели, как Бодоо, Данзан, Амар и другие. Таким образом, официальная история Монголии претерпела не только фактические, но и концептуальные изменения.

Забытая история готова была «выплеснуться» на монгольскую столицу, в печати появились предложения о переименовании улиц, площадей, зданий Улан-Батора. В то время в городе шло строительство самой большой гостиницы страны, и поначалу было несколько вариантов названия будущего отеля. Но стоило газете «Унэн» опубликовать статью писателя Л.Хушана, в которой предлагалось присвоить гостинице имя Чингисхана, как предложение получило массовую поддержку. Безусловно, что имя великого хана послужило важным стимулом для скорейшего ввода в эксплуатацию этого «долгостроя».

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что открывшаяся в те годы свобода слова на ранее запрещённые темы дала толчок к развитию и современного чингисоведения. Заслуги в развитии чингисоведения среди монгольских учёных принадлежат Ш.Нацагдоржу, Х.Пэрлээ, Ш.Бира, Н.Ишжамцу, Ч.Далаю, ДТонгору, Ч.Жугдэру, Д.Майдару и др. С 1990-х гг. в этот процесс включились Ж.Болдбаатар, Ц.Ишдорж, Х.Шаг-дар, Н.Ням-Осор, многие публицисты. В течение ряда лет в Монголии работают такие структуры, как университет «Их засаг» имени Чингисхана, Центр чингисоведения, Академия Чингисхана, Институт «Чингис» и др. В 2001 г. был издан указ президента Монголии об образовании национальной комиссии по празднованию 840-летия Чингисхана в 2002 г. и 800-летия создания Монгольского государства, которое будет отмечаться в 2006 г» На сюжеты из жизни великого хана в Монголии пишутся стихи и романы, ставятся пьесы и оперы, снимаются фильмы, создаются художественные картины и памятники, его именем называются музыкальные группы и спиртные напитки /35/.

К концу 1980-х гг. в стране явно обозначилась тенденция к формированию новой свободной литературы и искусства. Население с большим интересом воспринимало появлявшиеся романы на национальную историческую тематику. Огромный успех был у фильма «Мудрая княгиня

Мандухай», в основу которого были положены исторические сюжеты из жизни монгольского государства после распада империи.

Новые общественные веяния самым прямым образом отрицались на состоянии творческих союзов Монголии. Союз монгольских писателей (СМП) стал первой творческой профессиональной организацией, в которой произошёл раскол. 27 сентября 1990 г. группа литераторов провела учредительное заседание новой писательской организации — Ассоциации монгольских национальных свободных писателей (АМНСП). В её руководство вошли известные писатели и литературоведы Т.П.Га-адамба, Ж.Бямба, Ш.Суренжав, З.Дорж, Л.Дашням, О.Даш-балбар, писатели старшего поколения М.Пурэв, П.Хорлоо, М.Чимид и некоторые молодые литераторы. Из более чем 300 членов СМП около 50 человек вошли в эту новую организацию.

Надо сказать, что простому народу сложно было разобраться; в том, кто прав, кто виноват. Многие воспринимали этот раскол как очередной передел должностей и борьбу за власть. Масла в огонь подливали и сами писатели. Например, Ш.Жамлийха писал в то время в монгольской «Литературной газете», что в руководстве Ассоциации много лиц, «которые входили в прежнее руководство СМП» и что именно эти лица «помогали бездарному бюрократу, цэденбалисту Д.Цэдэву царствовать в СМП 13 лет» /36/. В заключении своей статьи Ш.Жамлийха приводил пример того, как на словах выражая негативное отношение к различным званиям и отличиям, руководители АМНСП тут же соглашались на посты и награды, которыми их одаривала власть. Среди прочих упоминался и будущий премьер-министр Монголии и нынешний президент Н.Энхбаяр.

На СМП сыпались обвинения в том, что он «претендовал на! роль разработчика литературной политики», превратился в организацию «работающую только на себя» и т.д. Примечательна следующая оценка: «Так называемая современная монгольская литература имеет только определение «монгольская». На самом деле ничего национального в нашей литературе не осталось, если не считать национальным достаточно корявый язык героев и художественные образы скотоводов, которые мало похожи на своих реальных прототипов» /37/.

На мой взгляд, такая оценка также выглядит односторонней и тенденциозной. Дело в том, что своим появлением Союз монгольских писателей обязан самой простой и в то же время чрезвычайно сложной и уникальной категории бытия всего сущего - времени. История СМП восходит к 1929 году, когда при отделе пропаганды ЦК МНРП был создан кружок революционных писателей. В 1930 г. кружок был преобразован в Монгольскую ассоциацию революционных писателей, которая установила

связь с писателями Сибири, с РАППом (Российская ассоциация пролетарских писателей).

Безусловно, Ассоциация формулировала и задачи для своих членов. «Так, например, — как отмечают исследователи истории монгольской литературы, — на членском билете были записаны обязанности писателей, входивших в организацию: член ассоциации должен стремиться направлять своё мастерство на просвещение широких масс трудящихся; нося имя революционного писателя, он будет способствовать строительству социализма и защите интересов бедноты; обязуется писать такие произведения, которые окажут помощь культурной революции в Монголии» /38/. В конце 1934 г. Ассоциация была переименована в Союз монгольских национальных писателей, а в январе 1948 г. в Улан-Баторе состоялся первый съезд монгольских писателей.

Было бы нечестно отрицать существовавшее в те годы в литературе и искусстве идеологическое давление. Бытовали случаи и совсем примитивной «обработки» населения. Мне вспоминаются далёкие 1970-е гг., когда в одно отдалённое кочевье, близ которого расположился палаточный лагерь нашей экспедиции, уже поздним вечером привезли на «молоковозе» киноаппарат и долгожданные фильмы. Это были два документальных кинорассказа — «Американский образ жизни» и «Путь скотовода». В первом вовсю критиковались «язвы гнивающего капитализма», во втором же прославлялся простой пастух, которого ежедневный труд привёл к званию «Передовик соцсоревнования». Но точно также нельзя отрицать и того, что за десятилетия строительства социализма в стране выросли удивительно талантливые мастера слова, художники и режиссёры, актёры, артисты оперы и балета, на произведениях которых выросли многие поколения монголов. Но наступали новые времена, требовавшие и новых героев. Подобные споры среди деятелей культуры были естественной реакцией на начавшиеся преобразования.

В эти же годы заметным шагом в деле возрождения национальной культуры стало движение за изучение старописьменного монгольского языка. Входу были небольшие пособия известного филолога Ш.Чоймаа, который вёл уроки старого письма и на монгольском телевидении. В прессе появлялись критические статьи относительно почти полувекового «засилья» в стране кириллицы. Высказывались мнения, что вертикальное письмо, как и проживание в круглой юрте, предполагает и особые основы мышления скотовода, которые сводятся к отвлечённому восприятию материального мира. В связи с этими особенностями монголы, якобы, в большей степени склонны к гуманитарным областям знаний, нежели к точным наукам /39/, Основываясь на собственных наблюдениях, могу

сказать, что подобные суждения не принимают во внимание существовавший в течение семидесяти лет «гуманитарный уклон» в образовательной политике Монголии в целом. Все передовые для того времени технологии были поставлены в страну из СССР, точно также как и специалисты для обслуживания сложных технологических процессов. А молодое поколение монголов, исходя из реальной потребности, было ориентировано на получение профессий учителя, преподавателя высшей школы, врача, работника сферы культуры и искусства и т.д. С другой стороны есть множество примеров, доказывающих, что монголы достаточно сильны в математике, физике, химии и других точных науках.

В специальной государственной программе 1994 г. был назван в качестве рубежа по переходу страны на старую письменность. Но задача оказалась чрезвычайно сложной и до сих пор в Монголии с успехом используется кириллица, утвердившаяся здесь с 1940-х гг. До этого уже предпринимались попытки реформирования вертикальной монгольской письменности. Бурятские просветители и здесь оказались в роли инициаторов, В первой половине XX в. известный деятель буддийской церкви А.Доржиев возглавил работу, направленную на практическую латинизацию монгольского алфавита. Много сил осуществлению языковой реформы отдали Б.Барадин, Э.-Д.Ринчино и другие. На «доржиевском алфавите» («Вагиндра») было опубликовано несколько книг. Были и иные точки зрения. Так, например, представители иркутских (западных) бурят, особенно Богданов, возражали против такой реформы и считали, что буряты могут просто использовать русский язык. В 1930-х гг, бурятское письмо на основе латинского алфавита преобладало, но с 1939 г. в Бурятии официально было введено письмо на основе кириллицы.

В самой Монголии также задумывались над возможностью реформирования вертикальной письменности. Уже на IV съезде МНРП в 1925 г. наряду с постановкой задачи обучения населения национальной грамоте и подготовки учителей шла речь о необходимости реформы алфавита, делались попытки перейти на латиницу. Достаточно точно в этом отношении отражает переживаемый период организация обучения монгольскому языку молодёжи из МНР на Монголрабфаке в Верхнеудинске (Улан-Удэ). Почти до конца 1933 г. учащиеся изучали родной язык на всех курсах на основе латинизированного алфавита. С апреля 1934 г, в обучении использовался старомонгольский алфавит, за исключением двух последних курсов, где предмет изучали на основе двух алфавитов одновременно. Для выбора оптимального варианта необходимо было время и всестороннее изучение проблемы. Поэтому с дистанции времени суждения, имевшие место в те годы в системе руководства по

обучению монгольских граждан в СССР, относительно латинизации монгольского языка как «левацко-оппортунистического извращения» выглядят чрезмерно категоричными. Начальную стадию в решении данной проблемы отражали и постановления IX съезда МНРП об ускорении разработки и издания грамматик как литературного, так и разговорного языка на основе старомонгольского алфавита с одновременным продолжением работы в области латинизации /40/.

Стоит согласиться с тем, что в Монголии переход на новую систему письма был совершён под знаменем общей идеологии и рекомендаций с советской стороны. 25 марта 1941 г. Совет Министров МНР и Центральный Комитет МНРП приняли решение о переводе монгольской письменности на новый алфавит, построенный на основе русской графики. Затем был разработан и утверждён проект нового алфавита с добавлением двух фонетических знаков, отражающих специфику монгольских гласных. С 1941 г. по 1945 г. велась подготовительная работа по переводу монгольской письменности на новый алфавит. С 1 января 1946 г. на новый алфавит была в основном переведена вся печать, а с января 1950 г. — и всё делопроизводство.

Позже те учёные, которые принимали участие в реформе письменности, подвергнутся серьёзной критике. Так, например, на одном собрании выдающийся монгольский филолог Ц. Дамдинсурэн, обвинённый в том, что он, якобы, «нейтрализовал» монгольскую письменность говорил: «Время было тёмное. Сверху спустили задание учёным, в то время считавшимся элитой интеллигенции - Б. Ринчену перевести «Историю Коммунистической партии Советского Союза», мне перевести на диалект халха-монгол «Монголын нууц товчоо» (Сокровенное сказание монголов) и издать, а Ш.Лувсанвандану составить грамматику нового письма. Ш.Лувсанвандан запоздал с заданием, поэтому Дамдинсурэну было поручено составить грамматику нового письма» /41/.

История свидетельствует, в какой сложной ситуации оказался Ц. Дамдинсурэн, не задолго до этого подвергнувшийся аресту и обвинению в принадлежности к «антинародной группе Ц.Жамцарано. К тому же учёный ещё надеялся, что возобладает мнение о необходимости составления нового монгольского алфавита на основе латиницы. Но из беседы с Ю.Цэденбалом он понял, что решение было окончательным. «Я тогда подумал,— вспоминал Дамдинсурэн,— что, может быть, всё к лучшему. Мы всё теснее связываемся с русскими, изучать в I школах два алфавита было бы трудно, пусть будет один. Многие буквы чужого языка звукам нашей речи не подходили или были не нужны, а два звука монгольской речи, напротив, требовали букв, которых в кириллице не было» /42/.

Можно, конечно, вновь и вновь задаваться вопросом — что потеряли, что приобрели? Мне же импонирует оценка, которую высказал известный сегодня в Монголии профессор С. Шатар; «Народный писатель Ц. Дамдинсурэн являлся выдающимся учёным, большим инвестором в научное мышление. Благодаря письму на базе кириллицы, созданному им, монголы не только приобщились к достижениям культуры и науки Советского Союза, и их разум осветился светом знания, но и стали считаться нацией, преодолевшей неграмотность, получив за это признание ЮНЕСКО, став примером для многих стран Азии и Африки» /43/.

Неотъемлемой частью процесса обновления монгольского общества стал ренессанс буддийской ламаистской религии. В 1930-х гг. духовенство в стране было фактически уничтожено, более 700 храмов подверглись разрушению. Длительное время в Монголии действовал один храм — Гандантэгчинлэн (Гандан) в Улан-Баторе. Но к 1990 году функционировало уже более 301 храмов. При монастыре Гандан действовала духовная семинария, был открыт женский монастырь, школа для малолетних послушников. Началась переоценка деятельности ряда буддийских иерархов Монголии. В 1990 г., например, в стране был широко отмечен 120-летний юбилей последнего Богдо-гэгэ-на. Его чествовали как руководителя борьбы за освобождение Монголии от маньчжурского ига и как теократического правителя страны, каковым он оставался до 1924 г.

Помимо Монгольской ассоциации верующих, объединившей сторонников буддизма, в стране возникли религиозные организации последователей ислама и христианства. В этой связи в печати часто упоминалось о веротерпимости монголов ещё со времён Чингисхана. Приводились примеры, когда в окрестностях столицы империи действовало сразу 12 монастырей, в том числе 2 мусульманских и 1 христианский, а филологи обращали внимание на присутствие в старинных монгольских словарях термина «ургальч», значение которого весьма близко к современному понятию «плюрализм мнений» /44/. Возвращение религии не обходилось без сопутствующих побочных явлений. В газетах справедливо писали: «Вместе с тем появились люди, которые стремятся использовать религиозный ренессанс в своекорыстных честолюбивых и стяжательских целях. Расплодились лжеастрологи, знахари и лекари. Можно увидеть, как перед эстрадным концертом, съездом какой-либо партии, теле-и радиопередачей ламы читают молитву, делая своеобразную рекламу этим мероприятиям. Будем надеяться, что эта пена на волне возрождения ламаизма спадёт, исчезнет, не выдержав требований времени и здравого смысла» /45/.

В этот период МНРП предпринимала шаги, направленные на ликвидацию так называемых «белых пятен» в истории страны, После прошедшего У Пленума партии была создана специальная комиссия во главе с секретарём ЦК Ц.Намсраем, занявшаяся реабилитацией репрессированных в 1930-1940-х гг. граждан Монголии. В печати появлялись воспоминания жертв культа личности Х.Чойбалсана, попутно «доставалось и Ю.Це-денбалу. Так, например, бывший вице-министр земледелия МНР и главный редактор газеты ЦК МНРП «Унэн», кавалер двух орденов «Полярная звезда», а в своё время «враг народа» и «агент японской разведки» вспоминал: «Представьте себе невысокого роста улыбчивого человека приятной наружности, который умел слушать и больше советовал, чем приказывал, который мог помочь найти правильное решение... . Об этом мало кто знает, что Чойбалсан практически не умел писать. Он мог подписывать документы, мог читать отпечатанный на машинке текст своих речей, но в остальном он был человек неграмотный. Большую роль в репрессиях играли и советники из НКВД, В начале это были русские, а потом их заменили буряты, калмыки, несколько евреев. Только в 1939 г. для нужд МВД прибыло 20 советников из СССР... каждый, даже самый маленький чин министерства имел своего консультанта» /46/. Ю. Цеденбал же в политическом портрете, созданном писателем Ж. Бямбой, квалифицировался как «душегуб интеллигенции» /47/.

Было принято решение о восстановлении старых названий некоторых улиц монгольской столицы. Одной из первых это коснулось улицы, носившей имя Сталина. В соответствии с Указом Президиума Великого Народного Хурала МНР было принято решение назвать улицу именем основоположника современной монгольской литературы Д.Нацагдоржа. На этой же волне был демонтирован памятник Сталину в центре Улан-Батора, перед главным входом Государственной публичной библиотеки МНР.

Мне пришлось быть свидетелем начала этого процесса. За период 1990-х гг. в Монголии была проведена масштабная работа по выявлению забытых имён, созданию многочисленных музейных экспозиций, изданию книг и брошюр, рассказывавших о страшных годах репрессий. Возглавивший комиссию Политбюро ЦК МНРП по реабилитации незаконно репрессированных Ц. Намсрай сообщал в 1990 г, что «жертвами произвола и репрессий в 30-40-е годы стали 30806 человек». Эта цифра, отмечал он, далеко не является окончательной. С 1956 г. вопросами реабилитации занимались две комиссии, но их деятельность была приостановлена. Причина — решение прежнего руководителя страны Ю.Цеденбала и его окружения. Вновь созданная комиссия отличалась от

прежних двух тем, что в ней не было хорошо знавших репрессированных и тем, что о ходе её работы постоянно информировалась общественность /48/.

Все начинания, о которых шла речь выше и инициатором! которых в большинстве своём являлась МНРП, тем не менее, не могли решить главной проблемы — вывести страну из глубокого социально-экономического и политического кризиса, Именно на фоне данного кризиса в монгольском обществе развернулся жёсткий спор о роли и результатах многолетнего сотрудничества Монголии с Советским Союзом. Но это уже отдельная и особая тема.

Приложения

- ¹ XIX съезд Монгольской народно-революционной партии, Материалы и документы (28-31 мая 1986 г.). У.-Б., 1986; Материалы У Пленума ЦК МНРП (21-22 декабря 1988 г.). У.-Б., 1989.
- ² Интернационалист, 1990. 25 янв.
- ³ Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. У.-Б., 2002. С. 52.
- ⁴ Монголпресс. 1989, авг.
- ⁵ Цит. по Шинкарёв Л.И. Цеденбал и Филатова: Любовью. Власть. Трагедия. — Москва; Иркутск, 2004. С. 130.
- ⁶ Грайворонский В.Г. 70-летие народной революции и исторические судьбы монгольского аратства // 70 лет Монгольской народной революции. Матер, междунар. науч, конф.. М., 1992. С. 48.
- ⁷ Унэн 1991, 9 мая.
- ⁸ Монголпресс. 1991, янв.
- ⁹ Монголия: трудный путь к рынку. М. 1994. С. 49.
- ¹⁰ Цит. по Цэцэнбилэг Ц. Указ. соч. с. 58.
- ¹¹ Монголпресс. 1989, авг.
- ¹² Интернационалист. 1989, 21 июля.
- ¹³ Интернационалиста). 1989, 7 дек.
- ¹⁴ Худон — сельская местность.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. 1990, 4 окт.
- ¹⁷ Барадин Базар Барадиевич (1878 — 1937) — известный учёный-востоковед, путешественник, писатель, первый нарком просвещения Бурят-Монгольской АССР, В 1906 — 1907 гг. совершил уникальное путешествие в Тибет, за что был удостоен премии им. Н.М.Пржевальского. Репрессирован в Ленинграде в 1937 г.
- ¹⁸ Хуварак (рел.) — ученик ламы, послушник в монастыре.
- ¹⁹ Цит. по Orient; С.-Пб., 1992. С. 78-79.
- ²⁰ Mongolian Journal of International Affairs. Ulaanbaatar, 2002. № 8-9. Р. 42-43.
- ²¹ См., например, Хувсгул С. Женские образы в «Сокровенном сказании монголов» // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ, 2003. С. 603-607.
- ²² Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. Улан-Удэ, 1995. С. 19.
- ²³ Мэркиты, олхонуты — монг. племена.
- ²⁴ Цит. по Скородумова Л.Г. Драгоценные чётки. Улаанбаатар, 2002. С. 66-67.
- ²⁵ Там же. С.86-90.
- ²⁶ Чойбалсан Х. Великий праздник монгольского народа // Большевик, 1951. №13. С. 43.
- ²⁷ Скородумова Л.Г. Указ. соч. С. 91.
- ²⁸ Кручкин Ю.Н. Монголия. Энциклопедический справочник. Москва-Улан-Батор-Пекин, 2002. С. 545.
- ²⁹ Интернационалист. 1990, 6 сент.
- ³⁰ Монголпресс. 1989. №15. СЛЗ.
- ³¹ Кручкин Ю.Н. Указ. соч. С. 565.
- ³² Цэцэнбилэг Ц. Указ. соч. С. 44.
- ³³ Там же. С. 45.
- ³⁴ Тумур-Очир вначале находился на «перевоспитании» в Баянхонгорском аймаке, затем в Хубсугульском и в итоге оказался в краеведческом музее в Дархане. Есть свидетельства, что он несколько раз пытался добраться до Улан-Батора, но безуспешно. В 1985 г. он был убит в своём доме, но преступление останется нераскрытым. По предположениям, появившимся в монгольской печати в начале 1990-х гг., это могли сделать спецслужбы Монголии. Тумур-Очир, якобы, готовил книгу воспоминаний, выход которой планировался за границей и которая могла нанести вред, прежде всего, Ю.Цеденбалу. В 1990 г. по решению ЦК МНРП Д.Тумур-Очир был реабилитирован.
- ³⁵ Далай Ч. К истории изучения Чингисхана в Монголии // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ, 2003. С. 8-15.

³⁶ Цит. по Монголпресс. 1990, ноябрь.

³⁷ Цит. по Интернационалист. 1990, 13 дек.

³⁸ Михайлов Г., Яцковская К. Монгольская литература. Краткий очерк. М., 1969. С. 145.

³⁹ Шинкарёв Л.И. Указ соч.— С. 27.

⁴⁰ Лиштованный Е.И. Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири (1920-е-1980-е годы). Иркутск, 1992. - С. 30.

⁴¹ Монголия сегодня. 2004, 23 янв.

⁴² Цит. по Шинкарёв Л.И. Указ. соч.— С. 75.

⁴³ Монголия сегодня. 2004, 23 янв.

⁴⁴ Интернационалист, 1990, 6 сент.

⁴⁵ Монголпресс. 1991, янв.

⁴⁶ Интернационалист. 1990, 30 авг.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Монголия. 1990. №5. С. 8.

Матвеева Е. А.

Иркутский Государственный Университет

ИТАЛЬЯНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ОТ «ЕВРООПТИМИЗМА» К «ЕВРОРЕАЛИЗМУ»

Затянувшийся кризис процесса европейского строительства, который часто рассматривается, прежде всего, как кризис доверия европейских граждан по отношению к брюссельским «еврократам», привлекает все больше внимания к изменениям настроений европейцев в отношении Европейского Союза, фиксирующихся в разнообразных опросах общественного мнения. Итальянцы традиционно считались и сами себя считали убежденными евроэнтузиастами. В период с 1981 по 1996 гг. в среднем 85 % опрошенных высказывались в поддержку объединения Европы, в то время как среднеевропейский уровень равнялся 75%¹. Этот факт делает еще более актуальным вопрос о характере и причинах поддержки европейского проекта со стороны итальянских граждан.

Качественный скачок, который произошел в процессе интеграции в начале 1990-х гг. с подписанием Маастрихтского договора и дальнейшим созданием валютного союза, означал серьезные проблемы для Италии. Она стала фактически символизировать собой образец крайней степени несоответствия тем критериям и параметрам, установленным договором, которые обязалась исполнять, страной, состояние государственных финансов которой настолько расходилось с европейскими стандартами, что ее шансы на вхождение в валютный союз с первой группой стран, как считалось, были равны нулю. Несоблюдение же этих критериев означало автоматическое исключение - решение неприемлемое скорее в эмоциональном, нежели в политическом плане, для политической, экономической и культурной элиты страны, поэтому вступление с первой группой в 1999 г. стало в этот момент основной целью итальянских правительств. Это потребовало серьезных экономических жертв со стороны населения, которые оправдывались необходимостью для Италии «быть в Европе», в том числе введение так называемого «евроналога». Но даже после этого итальянское